

ПЕРЕПИСКА ФЕТА и В. П. ГАЕВСКОГО (1853—1856, 1884)

Публикация С. А. Ипатовой

Биография Виктора Павловича Гаевского (1826—1888), журналиста, литературного критика, историка литературы, адвоката, библиографа, хорошо освещена в справочно-биографической, научной литературе и публикациях о нем.¹ В 1850—1880-е годы он был деятельным участником культурной и общественной жизни России — принимал активное участие в создании и деятельности таких общественных организаций, как Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд), Русское музыкальное общество, Общество пособия сценическим деятелям, Общество поощрения художеств и др.; состоял членом Общества посещения бедных (1850—1855). Приведем основные вехи его биографии: выпускник Александровского лицея (1845), чиновник Министерства финансов, затем Министерства народного просвещения (1846—1861) и Археографической комиссии (с 1848 г.); присяжный поверенный округа Петербургской судебной палаты. На протяжении ряда лет Гаевский помогал Н. А. Некрасову в редактировании «Современника» (1850—1853)² и «Отече-

---

¹ Отец Гаевского — Павел Иванович (1797—1875), известный переводчик и цензор, директор департамента народного просвещения (1844—1859). Подробнее о В. П. Гаевском см.: *Воропонов Ф.* Несколько слов о В. П. Гаевском // *Л. Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909.* <СПб., 1910>. С. 246—247; *Краснов Г. В.* Гаевский В. П. // *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь.* М., 1989. Т. 1. С. 510—511. См. также: *Кобак И. В.* Семейная переписка Гаевских 1820-х—1880-х гг. как исторический источник. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2014. Личные фонды Гаевского см.: *РНБ. Ф. 171; ИРЛИ. Ф. 67.*

² См.: *Заборова Р. Б.* Неизвестные письма Н. А. Некрасова и И. И. Панаева к В. П. Гаевскому по вопросам издания «Современника» // *Некрасовский сбор-*

ственных записок» (1854—1855), периодически выступая в них, а также в «Журнале министерства народного просвещения» (1849—1859) в качестве критика и обозревателя текущей литературы, поэтому входил в круг литераторов, сотрудничавших в этих изданиях. Известен своими работами по Пушкину и А. А. Дельвигу. Такая разносторонняя и многообразная деятельность снискала ему широкую известность среди литераторов, журналистов, музыкантов, ученых и общественных деятелей. В той или иной степени Гаевский был близок, находился в дружеских отношениях и состоял в переписке с Некрасовым, И. И. Панаевым, А. В. Дружининым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, И. С. Тургеневым, Д. В. Григоровичем, Я. П. Полонским, Фетом, М. М. Стасюлевичем, А. А. Краевским, А. И. Герценом и мн. др.

Знакомство начинающего литератора Фета с уже известным в литературных кругах Гаевским, соредактором всесильных некрасовских изданий, состоялось в начале 1850-х годов, скорее всего в декабре 1853 — январе (с 3 по 28) 1854 года,³ когда после перевода в гвардию и с началом службы в лейб-гвардии Уланском полку под Петербургом поэт предпринимает поездки в столицу, где стремится восстановить литературные связи и завести новые. По воспоминаниям Фета, его знакомство с Некрасовым и кругом «Современника» состоялось в конце 1853 года. В этот период он заводит отношения с И. И. Панаевым, А. Я. Панаевой, а также литературным кружком «Современника», в который входили: Дружинин, П. В. Анненков, И. А. Гончаров, Григорович, М. А. Языков, М. Н. Лонгинов, Краевский, Гаевский и др. Фета принимают в писательскую среду и единодушно признают его поэзию. Некрасов старается заполучить поэта в «исключительные» сотрудники своего журнала.⁴

А. Я. Панаева вспоминала: «Фет уже был известен своими стихотворениями в литературе с сороковых годов; но я познакомилась с ним только в начале пятидесятых годов. Он приехал в Петербург на продолжительное время в отпуск из полка, и я виделась с ним каждый день. Фет находился в вдохновенном настроении и почти каждое утро являлся с новым стихотворением, которое читал Некрасову, мне и всем литераторам, кто просил его прочесть».⁵ 7 декабря 1853 года Дружинин записал в своем дневнике, что на обеде у Панаева «нашел

ник. М.; Л., 1956. Вып. 2. С. 424—428; *Смирнов В. А.* В. П. Гаевский — современник Некрасова // Там же. Л., 1983. Вып. 8. С. 67—73.

³ *Летопись (1994)*. С. 302.

⁴ См.: *МВ*. Ч. 1. С. 36.

⁵ *Панаева А. Я.* Воспоминания. М., 1986. С. 202. Об общении Фета с другими литераторами в этот период см. также: Письма А. А. Фета к А. А. Краевскому (1854—1856) / Публ. В. А. Лукиной // *ФетСб(1)*. С. 451—455.

В. П. Гаевский

несколько новых лиц», среди которых «поэта Фета <...> коренастого армейского кирасира, говорящего довольно высоким слогом».⁶ А под датой 17 декабря 1853 года отметил, что обедал у Панаева с Фетом и другими, где читали его «очень милую вещь» («Днепр в половодье», а также перевод из Горация «К Лидии»)⁷. Армейская служба поэта

---

⁶ Дружинин. *Дневник*. С. 252; см. также с. 253—254, 257, 259, 260, 263 (сер. Лит. памятники).

⁷ Там же. С. 255.

усложняла подобные дружеские встречи, об одной из них, более поздней, Фет вспоминал: «...в первых числах января 1856 года, испросивши четырнадцатидневный отпуск, я однажды вечером растворил дверь в кабинет Некрасова и нежданно захватил здесь весь литературный кружок». ⁸ С 1852 года Фет постоянно печатался в «Современнике», но к 1859-му прекратил свое сотрудничество с журналом; одной из причин этого разрыва стало возобладавшее в издании к этому времени революционно-демократическое направление, претившее поэту. ⁹

Период дружеского общения Фета и Гаевского был недолг и ограничен временем их общей юности и общими друзьями из круга «Современника» — серединой 1850-х, возможно, началом 1860-х годов (в связи с кратковременным участием поэта в Литфонде). Затем их пути разошлись, вплоть до осени 1883 года, когда, в связи с возросшим интересом к недавно скончавшемуся Тургеневу (22 августа), по инициативе Гаевского было предпринято издание «Первого собрания писем И. С. Тургенева», в котором он выступил в качестве редактора и автора примечаний. ¹⁰ Выручка от продажи тиража шла в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, для учреждения в нем капитала имени Тургенева, который был одним из учредителей Общества и членом его Комитета со дня основания (1859) и до самой смерти. ¹¹ В письме от 31 октября 1883 года Гаевский, обращаясь к Фету за помощью, напомнил об их дружеском общении в молодости: «После долгих лет, за которыми далеко остались наши дружеские встречи в молодости, мне пришлось обратиться к Вам вот по какому случаю» (см. письмо 3). 20 июля 1884 года Фет, в свою очередь, припомнил этот период их общения, но дал понять, что их пути бесповоротно разошлись: «Когда мы так дружелюбно встречались с Вами, мы были, можно сказать, неопытными птенцами, не знающими, по выражению Гёте, wo aus wo ein (где выход, где вход — нем.). Но с тех пор пора было мне установиться в мыслях и суждениях. Разница та, что мы тогда не знали, куда примкнуть, а теперь если и ложно примкнули, то бесповоротно» (см. письмо 6).

Возвращаясь к предпринятому Литфондом изданию писем Тургенева, следует напомнить, что Гаевский с самого основания Общества

⁸ См.: *МВ*. Ч. 1. С. 126.

⁹ Поводом стала резкая статья Д. Л. Михаловского «Шекспир в переводе г. Фета», давшая основания поэту почувствовать себя оскорбленным (см.: *Совр.* 1859. № 6).

¹⁰ Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883 гг. СПб., 1884.

¹¹ Подробнее об участии Тургенева в Литфонде см.: Неизвестная записка Тургенева о пожертвованиях в Литфонд (1861) (Дополнение к Летописи жизни и творчества писателя) / Публ. С. А. Ипатовой // *Тургенев. НИИМ(4)*. С. 410—423.

участвовал в его начинаниях и вошел в состав учредителей, а также в число членов его первого Комитета; он неоднократно избирался председателем этого благотворительного общества (1875—1876, 1879—1880, 1884). Именно Гаевский выступал инициатором многих издательских проектов, предпринимавшихся Литфондом с целью «усиления своих средств» для материальной помощи нуждающимся литераторам. Так, доходы Общества особенно возросли благодаря переиздававшимся в течение многих лет «Стихотворениям» С. Я. Надсона и к 1909 году составили 124 тысячи рублей.¹² Подобным «коммерческим» проектом должно было стать и издание писем Тургенева, смерть и грандиозные похороны которого показали огромную популярность писателя в России. В предисловии к «Первому собранию писем», помеченном 28 октября 1884 года, говорилось, что уже 2 сентября 1883 года, то есть через десять дней после смерти писателя, на заседании Комитета Литературного фонда было «постановлено учредить в его память неприкосновенный его имени капитал, для выдачи на проценты с этого капитала вспомоществований» нуждающимся литераторам и ученым.¹³

Непростая работа по сбору и составлению «Первого собрания писем», напечатанного во исполнение этого постановления (том вышел через год с небольшим), легла на плечи его редактора Гаевского, ставшего, при ближайшем участии М. М. Стасюлевича, цензором собранных для издания писем, а также многолетнего друга писателя П. В. Анненкова.¹⁴ На письма и просьбы Гаевского откликнулись Д. В. Григорович, М. Е. Салтыков, Я. П. Полонский,¹⁵ А. Г. Достоев-

¹² Ярославцев Я. А. Издательская деятельность Литературного фонда (1859—1917) // Книга: Исследования и материалы. М., 1987. Сб. 54. С. 151—152.

¹³ На том же заседании было принято решение об издании писем Тургенева (см.: *ИРЛИ*. Ф. 155. Журналы Комитета Общества. 1883—1884. Кор. 10. 1883. Кн. 2. Л. 127; *РНБ*. Ф. 438. № 24. Комиссия по погребению И. С. Тургенева и постановке ему надгробного памятника. 51 л.). См. также: Первое собрание писем И. С. Тургенева. С. V.

¹⁴ Организации похорон Тургенева и работе над подготовкой издания его писем посвящен дневник Гаевского (хранится: *РНБ*. Ф. 171. № 1; частично опубликован: Из дневника В. П. Гаевского (1883—1887 гг.) / Публ. Г. Никольской // Красный архив. 1940. № 3 (100). С. 229—243).

¹⁵ 11 сентября 1883 г. Гаевский записал в дневнике: «Заходил к Я. Полонскому, от которого получил более 150 писем к нему Тургенева <...> и сегодня же вечером принялся разбирать их. В них поразили меня неумеренные похвалы Полонскому и брань Некрасову, которого Тургенев называет „мазуриком“. Уж не знаю даже, печатать ли это?» (всего в «Первом собрании...» было опубликовано 244 письма Тургенева к Полонскому и его жене, которые составили, таким образом, почти половину тома). 16 сентября Гаевский сделал запись в дневнике: «Григорович доставил мне его (Тургенева. — С. И.) письма к нему»; 17 сентября: «Сегодня получил письмо от

ская и др.,¹⁶ но были и корреспонденты, не пожелавшие предоставить тургеневские письма (П. Виардо, М. Г. Савина, В. Я. Карташевская и др.).¹⁷ Всего в собрание вошло 488 писем писателя к 55 адресатам за 43 года (с 1840 по 1883 г.; с пробелом в 12 лет — с 1841 по 1852 г.). Подбор имен адресатов оказался достаточно случайным, так как составил лишь из имен владельцев, предоставивших имевшиеся у них письма Тургенева. Сложный процесс собирания писем начался с обращения Гаевского и заинтересованных в издании членов Литфонда к тургеневским адресатам.¹⁸ Среди первых лиц, к кому обратился редактор, был и Фет (известны 122 письма Тургенева к Фету). Сохранившаяся переписка Гаевского с Фетом по этому поводу свидетельствует о явном нежелании поэта выносить на всеобщее обозрение

Рольстона, который представляет в мое распоряжение письма к нему Тургенева»; 14 октября: «Сегодня получил письмо от Полины Виардо, которая обещает <...> выбрать из своей корреспонденции с Тургеневым несколько его писем...» (как известно, ни одно из своих многочисленных обещаний П. Виардо не выполнила); 24 октября: «Утром заезжал к Достоевской», которая «обещала доставить» несколько «интересных писем Тургенева к ее мужу» (см.: Из дневника В. П. Гаевского. С. 230–236).

¹⁶ В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся материалы по подготовке к изданию «Первого собрания писем И. С. Тургенева», где приведен перечень имен адресатов и владельцев, предоставивших письма Тургенева к 18 июня 1884 г. (всего 389 писем из 488 вошедших в издание). См.: *ИРЛИ*. Р. II. Оп. 3. № 30. Л. 2–3.

¹⁷ Так, в том же дневнике Гаевского имеется запись: «4 ноября. В. Стасов писал Карташевской о доставлении писем Тургенева, которых у нее около ста. Она сначала согласилась, но, пересмотревши письма, отказалась» (Из дневника В. П. Гаевского. С. 236). Помимо Фета, под тем или иным предлогом отказ был получен от П. Виардо, М. М. Стасюлевича, опубликовавшего письма Тургенева к нему лишь в 1912 г., Савиной, М. Н. Каткова. П. В. Анненков из огромного числа писем, полученных им от Тургенева, предоставил только два, большая часть писем составила документальную основу его статьи «Шесть лет переписки с Тургеневым» (см.: *ВЕ*. 1885. № 3, 4). Некоторые поступившие письма были отвергнуты самой редакцией. Так, из 30 писем Тургенева к Н. А. Милютину и его жене, опубликованных ранее в «Русской старине» (1884. № 1), Гаевский перепечатал только 20, а остальные 10 отверг, аттестовав их в письме к Стасюлевичу от 6 августа 1883 г. как «слишком бессодержательные и потому для нашего издания непригодные». И далее замечал, что письма к Виардо стали бы «весьма важным приобретением для нашего издания и вознаградили бы за ту скуку, которую нагонит на читателя масса писем к Полонским» (см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 5 т. СПб., 1912. Т. 3. С. 636).

¹⁸ Одним из первых корреспондентов Тургенева, к кому обратился Гаевский, был В. Р. Рольстон (см.: *Алексеев М. П.* В. П. Гаевский и В. Р. Рольстон о Тургеневе // *ТСб(1)*. С. 335–344). См. также: Из истории «Первого собрания писем И. С. Тургенева» / Публ. Л. И. Кузьминой // *Ученые записки Курского гос. пед. ин-та*. Орел, 1971. Т. 74: Третий межвузовский Тургеневский сборник. С. 264–271.

частную переписку, отразившую долгие и непростые отношения двух литераторов. Не отказывая Гаевскому впрямую, Фет прилагает очевидные усилия, чтобы под различными предлогами затянуть переговоры и уклониться от участия в издании. Реакция Фета на издание «Первого собрания писем» Тургенева, скорее всего, была негативной. Н. Н. Страхов писал Фету 9 декабря 1884 года: «Читаю „Письма Тургенева“ и очень дивлюсь тому, что там об Вас писано, будто Ваши стихи когда-то, и многие годы, были все слабые. / Что это такое?». ¹⁹

Как известно, в «Первом собрании...» письма Тургенева к Фету отсутствуют, что, конечно же, было связано с намерением Фета самому воспользоваться ими в уже, возможно, задуманных мемуарах, к написанию которых поэт приступил гораздо позже. ²⁰ Вписывая эпистолярные источники в собственную биографическую канву и в общую картину русской общественной и литературной жизни, Фет едва ли задавался академическими эдичионными принципами, что было впоследствии поставлено ему в вину исследователями. Так, Н. Л. Бродский, сличивший письма Тургенева из «Моих воспоминаний» с автографами, пришел к неожиданному заключению, что Фет, страдая «субъективным пристрастием», намеренно и упорно «редактировал» письма, придавая им «специфическую окраску», а именно «подкрашивал» себя отсечением критических отзывов Тургенева, сохраняя при этом положительные оценки своей поэтической деятельности; изменял тургеневские высказывания и бранные выражения; изымал целые строки, свидетельствующие о его недугах; переставлял слова и таким образом ретушировал образ корреспондента темными красками. По мнению исследователя, Фет стремился нивелировать «стилистическое своеобразие» Тургенева заменой его характерных выражений («сукин сын» на «разбойник» и др.). «Становится очевидным, — заключал Бродский, — что Фет действительно „изувечил“ переписку своего приятеля, отплатил ему сторичей за работу, проделанную Тургеневым над сборником стихотворений 1856 г.» ²¹ Если бы исследователь сличил оригиналы с письмами из «Первого собрания...», ему, вероятно, пришлось бы внести коррективы и в характеристику отношения Гаевского и Стасюлевича к Тургеневу. Но следует признать очевидное: Фет действительно в определенном смысле «отредактировал» письма, главным образом изымая все личное, мало имеющее отношение к характеристике творческих связей, литературного процесса и собственной биографии.

¹⁹ См.: *Фет/Страхов*. С. 389.

²⁰ См.: *МВ*. Ч. 1, 2.

²¹ См.: *Бродский Н. Л.* Фет — редактор Тургенева // Звенья. М.; Л., 1933. Вып. 2. С. 477.

Из предисловия от редактора следует, что вышедший сборник не исчерпывает всей «громкой переписки» Тургенева и составляет весьма небольшую ее часть, так как далеко не все доставили Комитету имеющиеся у них письма; тем не менее, как утверждал Гаевский, «и в настоящем своем виде этот сборник обнимает главнейшие литературные отношения покойного и вместе представляет весьма ценный автобиографический материал». Поясняя принципы своего издания, редактор признавался, что письма, «по рассмотрении текста, были сокращены или доставившими их лицами, или редакцией в тех местах, которые имеют совершенно интимный характер, или вообще не могли быть признаны пока удобными для печати по близости времени».²²

Издание вышло 29 октября 1884 года (в продажу поступило 7 ноября) в количестве 6025 экземпляров (цена 2 рубля 50 копеек) и стало событием в литературе, вызвав оживленную и разноречивую дискуссию в печати.²³ Помимо положительных откликов (С. А. Венгерова, В. П. Буренина, В. О. Михневича и др.), заглавия некоторых рецензий говорили за себя: «Капитальная бестактность», «Литературная неразборчивость», «Нарушение воли». А сопутствующие выражения, вроде «Тургенев в неглиже», «перемывание грязного белья», «предательская огласка», «бесцеремонность», «удовлетворение праздного любопытства» и т. п., лишь подтверждали неоднозначную реакцию читающей публики на новое издание. Так, в рецензии «Капитальная бестактность (По поводу собрания писем И. С. Тургенева)» П. Н. Полевой, имея в виду откровенные отзывы писателя о других литераторах, писал: «...мы решительно не знаем — чему следует более удивляться: бестактности общества, издавшего письма, или наивности тех лиц, которые решились сообщить писанные к ним эпистолы? <...> В самом деле, трудно себе представить более неуклюжую, более медвежью услугу, нежели та, которую оказали памяти Тургенева его друзья, вновь возбуждая над его едва закрывшеюся могилою все перекоры и всю вражду, которые еще так недавно стихли над прахом почившего писателя...».²⁴

В рецензии Ф. Булгакова, озаглавленной «Литературная неразборчивость», говорилось, что Комитет «пожелал показать нам» Тургенева «в правдивом неглиже»; книга «раскупалась бойко, и комитет литературного фонда должен быть очень доволен успехом своего предприятия. Но материальный успех книги далеко еще не может ручаться за

²² Первое собрание писем И. С. Тургенева. С. V—VII.

²³ Дискуссия подробно освещена во вступительной статье к серии Писем главного редактора первого Полного собрания сочинений и писем Тургенева: Алексеев М. П. Письма И. С. Тургенева // *Тургенев. Письма*. Т. 1. С. 100—110.

²⁴ Живописное обозрение. 1884. 17 ноября. № 46. С. 306; см. также продолженные статьи: 24 ноября. № 47. С. 321—323.

ее доброкачественность». «Перемыванием грязного белья покойника нельзя доказать уважения к нему, хотя бы потому, что сам Тургенев, наверное, не рассчитывал на предательскую огласку „друзьями“ его совершенно бесцеремонных проявлений горячности. <...> Само собою разумеется, непечатные словечки и брань, расшвырянные Тургеневым на все стороны, нисколько не могут характеризовать его „главнейшие литературные отношения“». ²⁵

Внес свой вклад в полемику и И. А. Гончаров: «Над самим Тургеневым, редактором пушкинских писем, совершилось, по смерти его, хотя в слабой степени то же самое, что допущено им в письмах поэта. Несмотря на то, что письма Тургенева прошли через руки нескольких лиц, под редакцией старого и опытного литератора В. П. Гаевского — и тут проскользнуло несколько писем <...> которых Тургенев, конечно, не разрешил бы печатать, и много других, где он делает резкие и иногда несправедливые отзывы о людях или сочинениях». Он, «конечно, не предвидел, сколько высказанного им самим частным образом, так сказать, на ухо, приятелям, всплывет наружу перед всеми, не в далеком будущем, а вслед за его гробом». ²⁶ «Зачем это „собрание“, — спрашивал рецензент «Петербургской газеты», — к чему оно, кто дал право обществу литературного фонда издавать эти совершенно интимные письма великого писателя? <...> Увы! Только расчетом и спекуляциею на выгодную продажу можно ответить на эти вопросы». ²⁷ Двумя днями позже анонимный автор той же газеты писал: «Не в меру усердные поклонники знаменитого писателя, напечатав его письма, оказали ему плохую услугу»: письма «не сопровождаются надлежащими комментариями, вследствие чего дают повод к невыгодным для покойного заключениям». ²⁸

Позже К. Ф. Головин, вспоминая о выходе «Первого собрания писем И. С. Тургенева», писал: «...плохую услугу оказал ему его друг М. М. Стасюлевич, издав их после смерти великого писателя, — чтобы двоедушие этого с виду открыто приветливого человека обнаружилось перед глазами всех». ²⁹ И далее: «Недавно только появились отдельной книжкой письма Тургенева, из которых большая часть была адресована Полонскому. Яков Петрович находил, как и я, что плохую услугу оказали великому писателю, напечатав его корреспонденцию. Непо-

²⁵ *ИВ*. 1885. № 1. С. 138—142.

²⁶ *Гончаров И. А.* Нарушение воли // *ВЕ*. 1889. № 3. С. 78—79.

²⁷ Ненужный апофеоз (Письма И. С. Тургенева) // *Петербургская газета*. 1884. 11 ноября. № 311. С. 2.

²⁸ Еще по поводу обнародования писем Тургенева // *Петербургская газета*. 1884. 13 ноября. № 313. С. 1.

²⁹ *Головин К. Ф.* Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 219.

нятно вообще, как позволяют себе с такой бесцеремонностью, едва сошел в могилу крупный человек, копаться в его частной жизни и делать достоянием публики то, что при его жизни, конечно, обнародовать бы не посмели. Разве выдающиеся личности в самом деле вынуждены оплачивать свою известность такою тяжелою данью? Разве их частная жизнь должна быть выставлена напоказ для удовлетворения праздного любопытства?».³⁰

В сочувственной рецензии «Нового времени», автором которой выступил В. П. Буренин, отмечалось, что не все письма «требовали публичного оглашения», а также было высказано пожелание, чтобы обнародование дальнейшего материала «не затягивалось в долгий ящик» и «чтобы этот материал при издании редактировался более осторожно и выбор его отличался большей взыскательностью».³¹ Незадолго до статьи Буренина Суворин, предоставивший редакторам письма Тургенева к нему, несколько раз критически откликнулся на книгу в своей газете,³² но развернутую характеристику изданию он дал в письме к Гавевскому от конца ноября — начала декабря 1884 года: «...мою заметку о редакции „Писем“ Тургенева Вы считаете вызванной тем, что в письмах Тургенева ко мне не выпущена фамилия Маркевича. Это только отчасти справедливо. Григорович говорил мне, что редакция „Писем“ приняла за правило выпускать из писем все резкие слова и характеристики. Он сам из писем Тургенева к нему выпустил характеристику Стасюлевича, очень смешную, и вычеркнул какое-то слово, стоявшее около моей фамилии <...> я очень мало обеспокоен тем, что имя Маркевича явилось целиком. Он все равно узнал бы себя и под буквою „М.“, как узнали бы его весьма многие <...>. Но мне удивительно было встретить отзывы о Некрасове, о Достоевском, о Григоровиче, о Гончарове („воняет литературой“ и др.), о Черняеве. Странными мне казались приемы, которые позволяют в одной строке упомянуть фамилию целиком, когда она являлась без прилагательного, а в другой строке ту же фамилию обозначить только начальной буквою, когда при ней стоит ругательное слово. А это случается сплошь и рядом, и об этом

³⁰ Головин К. Ф. Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 107—108.

³¹ Буренин В. Критические очерки: Письма Тургенева // *НВр*. 1884. 23 ноября. № 3140. С. 2.

³² Суворин высказал претензии к редакторам, которые выборочно соблюдали «известную осторожность и литературное приличие» в отношении упоминавшихся здравствовавших лиц. По мнению редактора «Нового времени», «следовало бы печатать» все имена полностью (Там же. 7 ноября. № 3124. С. 2. Маленькая хроника). Выражал Суворин упреки и в адрес Тургенева: «Когда все письма его будут изданы, то не останется в литературном мире ни одной живой души, о которой он не сказал бы чего дурного» (Там же. 8 ноября. № 3125. С. 3. См. также: Там же. 11 ноября. № 3128. С. 4).

нельзя молчать, так как редакция „Писем“, которых, вероятно, наберется несколько томов, должна выработать себе положительные правила, которые и не преступать. Я серьезно <держусь> того мнения, что о литераторах *надо все печатать*, без единого исключения, руководствуясь только тем благоприличием, которое изгоняет из печати слово, вроде сукина сына и т. д. <...>. Я вообще за откровенность в этом отношении. <...> Никаких резонов нет для сокрытия. С другой стороны, пожалуй, нет никаких резонов для того, чтоб печатать не только вместо *свинья* — с..., вместо *прохвост* и *подлец* — п..., вместо *сукин сын* — с... с..., но даже и этих инициалов, ибо мало ли чего в письмах не срывается с уст человека, или правильнее, с его пера, к тому же столь сжатого в печати. <...> И, однако ж, мне кажется, что Тургенев решительно выиграет, явившись даже в своих письмах в виде более благоприличном. <...> Письма Т<ургенева>, в таком виде изданные, не прибавят его славе ничего, но человека охарактеризуют полно. Не достает только писем его к Каткову. Вот где, воображаю, он разгулялся». ³³ Возможно, именно неоднозначная реакция на появление издания стала причиной того, что многие адресаты Тургенева воздержались от участия во втором выпуске собрания, который, как известно, не реализовался.

Как коммерческий проект, придуманный и организованный Гаевским, издание состоялось в достаточно короткий срок и не только полностью оправдало все подготовительные затраты, включая типографские, но и принесло значительный доход, тем самым оправдав свою цель — пополнение казны Общества. 20 ноября 1884 года, то есть через две недели от начала продажи «Первого собрания писем», Стасюлевич писал Гаевскому: «Сегодня исполнилось две недели от начала продажи „Писем Тургенева“ — и потому я потребовал из магазина справку о том, как идет дело. <...> продано 800 экземпляров, а так как для покрытия всех издержек нужно продать 2000, то это значит», что «возвратилась почти половина издержек, а следовательно, не долго ждать с чистой прибылью». ³⁴

³³ См.: Три письма А. С. Суворина к Тургеневу (1875—1876) / Публ. С. А. Ипатовой // *Тургенев. НИИМ*(2). С. 349—351. В Рукописном отделе ИРЛИ хранится наборная рукопись «Первого собрания писем», отредактированная Гаевским и Стасюлевичем, на первом листе которой имеется запись рукой Гаевского: «Есть то, что не вошло в книгу» (см.: Ф. 293. Оп. 1. № 1757. Л. 1а). В писарской копии имеются многочисленные фрагменты, вычеркнутые редакцией. Работу по сличению книги с наборной рукописью проделал в 1920 г. М. К. Лемке, который опубликовал выявленные дополнения, включая восстановление имен под инициалами (см.: *Лемке М.* Дополнения к «Первому собранию писем» Тургенева // *Книга и революция*. 1920. № 3—4. С. 93—95).

³⁴ См.: *ИРЛИ*. Ф. 155. Кор. 10. 1884. Кн. 2. Л. 455.

В переписке Гаевского с Фетом встал вопрос и о членстве поэта в Литфонде. Предлагая Фету восстановить свое членство в Обществе в связи с «ознаменованием его 25-летия», Гаевский, многолетний член и председатель Общества, не мог не знать о принципиальном выходе поэта из рядов Литфонда. Позже в «Моих воспоминаниях» Фет так объяснил свой поступок: «Поступивши в Общество Литературного фонда в качестве члена-учредителя, я вычеркнул себя из списка не потому, что считал не должным помогать нуждающимся литераторам, а только потому, что считал необязательным слепо подчиняться произволу Общества, изменявшего свою программу введением расходов, не имевшихся в виду при учреждении Общества. Если Общество считает такие изменения своим правом, то не должно и удивляться уходу членов, с ним несогласных».³⁵ Под «произволом» Фет имел в виду помощь Литфонда студентам, арестованным в конце сентября 1861 года в связи с волнениями и закрытием Петербургского университета, а также непосредственное участие Общества в их дальнейших судьбах.³⁶ 20 июля 1884 года он писал Гаевскому: «Если Вы посмотрите на список учредителей Лит<ературного> фонда, то найдете мое имя там из первых, но когда произвольными посылками студентов за границу и разными иными распоряжениями у<ч>реждение <?> (как это всегда бывает) поставило вкладчиков в ранг бессловесных баранов, изменяя назначение взноса, я категорически отказался от участия» (см. письмо 6).³⁷

Справедливости ради следует заметить, что целевым назначением взносов, согласно Уставу Общества, было не только вспомоществование литераторам и ученым, которые «по преклонности лет или по каким-либо другим обстоятельствам находятся в невозможности содержать себя собственными трудами». Предполагалось также «доставлять даровитым молодым людям способы к окончанию их образования и приготовлению себя к литературной и ученой деятельности».³⁸ Известно, что в декабре 1861 года министр народного просвещения А. В. Головнин в целях устранения недостатков в организации университетской

³⁵ См.: *МВ*. Ч. 2. С. 246–247. См. также: *Макеев М. С.* «Литературное насекомое» или «честный бедняк сочинитель»? О причинах выхода А. А. Фета из Литературного фонда // *РЛ*. 2009. № 4. С. 106–115; Переписка А. А. Фета с М. Н. Лонгиновым (1857–1871) / Публ. М. В. Трунина // *ФетСб(1)*. С. 216–220.

³⁶ См. об этом также нашу статью «Фет и Литфонд: История несостоявшегося членства» в наст. томе.

³⁷ См. также: *ФетСб(1)*. С. 234–235.

³⁸ См.: Устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1859. С. 3–4.

деятельности распорядился отправить большое число молодых людей за границу для дальнейшего пополнения штата профессоров, однако нет никаких сведений, что в субсидировании этой поездки участвовали средства Литфонда. Таким образом, Гаевский, скорее всего, был искренен, утверждая: «Вы фактически не правы: никаких студентов мы не посылали за границу и никого не поощряли к литературе, а только помогали заслуженным престарелым литераторам или их семьям» (см. письмо 7); но при этом он, безусловно, лукавил, умалчивая о помощи Литфонда не только опальным студентам, но и литераторам.

В 1861 году под флагом Литфонда и в его структуре как дополнительное отделение было учреждено Общество вспоможения учащейся молодежи под председательством того же Ег. П. Ковалевского. Стараниями членов Комитета П. Л. Лаврова и Н. Г. Чернышевского Литфонд принял самое деятельное участие в судьбе двухсот студентов, арестованных на демонстрации 25 сентября 1861 года. На одном из ближайших заседаний Комитет утвердил предложение Лаврова о назначении им пособий. Существенно усугубляло отношение публики к Обществу то обстоятельство, что имена тех, кому выдавались пособия, не назывались, а также прекращение публикаций в печати отчетов о заседаниях Комитета. Все это создало Литфонду репутацию потенциально неблагонадежного и утвердило общественное мнение о нем как о некоей «коммунии». Таким образом, выход Фета из состава Литфонда был мотивированным. Позже в Летописи Литфонда было отмечено, что учреждение дополнительного отделения «имело для самого Общества то печальное последствие, что часть публики, под влиянием тогдашних происшествий, отвернулась от Общества или стала смотреть на него косо», некоторые «начали оставлять его, хотя и без формального заявления о своем нежелании принимать в нем участие».³⁹ Отделение просуществовало недолго и было закрыто сразу после майских пожаров 1862 года. Когда Ковалевский получил приказ о его закрытии, он, как вспоминал один из членов Комитета Л. Ф. Пантелеев, «держал такую речь: „Не думал я, господа, что на старости лет окажусь во главе тайного общества“».⁴⁰ После закрытия отделения Ковалевский ушел в отставку и с поста председателя Литфонда.

Следует добавить, что с момента организации Литфонда III отделение установило постоянное наблюдение за его деятельностью (глав-

³⁹ Репинский Г. К., Скабичевский А. М. Летопись Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым с 1859 по 1884 г. // XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 39.

⁴⁰ Цит. по: Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. С. 186.

ным образом, за литературными чтениями), о чем свидетельствуют сохранившиеся отчеты агентов.⁴¹ В октябре 1862 года сам Гаевский был привлечен к следствию по обвинению «в сношениях с лондонскими пропагандистами» (причастность к распространению «Колокола», связь с В. И. Кельсиевым, пересылка денег М. А. Бакунину), что привело к его отставке.⁴² Фет имел знакомых среди членов Общества и, конечно, знал, что в 1865 году фонд, при деятельном участии Гаевского, ходатайствовал перед правительством об освобождении государственного преступника Чернышевского, оказывал помощь ссыльному Н. В. Шелгунову и др. Едва ли членство в организации с таким направлением деятельности было приемлемо для Фета. Именно поэтому он отказывается от предложения Гаевского вступить в Литфонд повторно, а также отказывается, как выразился корреспондент, «набряцать что-нибудь достойное фетовской музыки» для участия в альманахе в пользу Литфонда.⁴³

Не все современники восторгались энтузиазмом Гаевского и его многогранной общественной и филантропической деятельностью. В. О. Михневич писал о нем: «...действительный статский советник по табели о рангах, адвокат и „делец“ по профессии, „любитель просвещения“, словесности и искусств, включительно до кулинарного, по внутреннему призванию, — словом, то, что называется — „и швец, и жнец, и в дуду игрец“. Ловкий человек, Виктор Павлович всюду поспекает и на все руки мастер: он и в журналах пописывал, и в сочинении и защите крючкотворных „ходатайств“ собаку съел не плоше всякого другого „прелюбодея мысли“; он и Пушкина, проходя, цитирует наизусть, и в ссылках на статьи „Вексельного устава“ не сойдет; он и в литературно-художественных „сообществах“ представляет „с честью“, и в мире плутократии и акционерного „гэшефта“ — свой человек; покровитель и знаток музыкального искусства, он до тонкости знает smak и в эпикурейских наслаждениях, гастрономии и бонвиванства. Добавим, что Виктор Павлович один из популярнейших людей в среде столичной интеллигенции и недоброжелателей не имеет, ибо представляет

⁴¹ Отчеты хранятся в ГАРФ (Ф. 109).

⁴² См.: Лемке М. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908. С. 141–142, 165. По приговору Гаевский был освобожден от ответственности за отсутствием улики. Следует добавить, что в 1866 г. он стал адвокатом И. А. Худякова в судебном процессе по делу Д. В. Каракозова о покушении на Александра II и отвел от своего подзащитного угрозу смертного приговора (см.: Стасов Д. В. Караковский процесс (некоторые сведения и воспоминания) // Былое. 1906. № 4. С. 276–298).

⁴³ Речь идет об издании: XXV лет. 1859–1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884 (ц. р.: 24 октября 1884 г.).

собою олицетворенную благовоспитанность, покладистость, „умеренность и аккуратность“. Вероятно, в молодости был бы очень хорош в роли Молчалина, если бы, конечно, играл на сцене».⁴⁴

Публикуемая переписка Фета и Гаевского, в особенности позднего периода, обнаруживает неизвестные ранее биографические сведения из жизни поэта.

Сохранились четыре письма Фета к Гаевскому и три письма Гаевского к Фету. Письма печатаются по подлинникам, хранящимся в РНБ (Ф. 171. № 295) и РГБ (Ф. 315. К. 7. № 23), с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации.

1

Фет — Гаевскому

Декабрь 1853 — январь 1854 г.

или 25 января — 7 февраля 1856 г. Петербург

Виктор Павлович!

Авдотья Яковлевна¹

просит Вас в 4 часа

на обед, а оттуда

на балет — мы ждем Вас —

Фет.²

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 171. № 295. Л. 7. Карандашная записка на обрывке бумаги; вероятно, рифмованная (обед—балет—Фет), воспроизводится в графическом написании подлинника.

Датируется предположительно декабрем 1853 — январем 1854 г. или 25 января — 7 февраля 1856 г. по следующим соображениям: именно в эти периоды Фет находился в Петербурге, где активно общался с Некрасовым и членами кружка «Современника» (декабрь 1853 г. и почти весь январь 1854 г. (с 3 по 28), а также конец января — начало февраля 1856 г. (25 января — 7 февраля), когда Фет проводил свой отпуск в Петербурге).

¹ Панаева Евдокия (Авдотья) Яковлевна (урожд. Брянская; во втором браке Головачева; 1820—1893), писательница, мемуаристка; жена И. И. Панаева, дочь артиста Александринского театра Я. Г. Григорьева (сценическое имя Брянский), гражданская жена Н. А. Некрасова (1845—1863), в соавторстве с которым (под псевдонимом Н. Станицкий) написала два романа для «Современника»: «Три

⁴⁴ Михневич Вл. Наши знакомые. Фельетонный словарь современников... СПб., 1884. С. 48; ср. с шуточной записью самого Гаевского, оставленной в альбоме Семеновского (см.: Семевский М. И. Знакомые. СПб., 1888. С. 73, а также с. 205, 366).

страны света» (1848–1849) и «Мертвое озеро» (1851). О Фете в период его знакомства с кругом «Современника» Панаева оставила воспоминания (см. вступит. статью). О своем знакомстве с ней Фет вспоминал: «Явившись к пяти часам, я был представлен хозяйке дома Е. Я. Панаевой. Это была небольшого роста, не только безукоризненно красивая, но и привлекательная брюнетка. Ее любезность была не без оттенка кокетства. Ее темное платье отделялось от головы дорогими кружевами или гипюрами; в ушах у нее были крупные бриллианты, а бархатистый голосок звучал капризом избалованного мальчика. Она говорила, что дамское общество ее утомляет и что у нее в гостях одни мужчины» (МВ. Ч. 1. С. 32).

В этот период Панаева активно общается и с Гаевским, который часто сопровождает ее в театр. Так, в недатированной записке к нему она пишет: «Благодарю вас за билет. Если вы не придете обедать ко мне, то я не пойду в театр» (РНБ. Ф. 171. № 211. Л. 4). В другой записке (помеченной: «Вторник 20») она спрашивает: «Не желаете ли вы ехать в театр с нами завтра? — идет „Ипохондрик“. Вот вам и номер нашей ложи: 1 ярус, № 3: с левой стороны, на Михайловском театре» (Там же. Л. 5; письмо можно датировать 20 сентября 1855 г.: на следующий день, в среду, в Михайловском театре состоялась премьера комедии А. Ф. Писемского «Ипохондрик»). Наконец, в третьей, также недатированной записке она сообщает: «...если вы свободны, то приезжайте завтра обедать и мы вместе поедем в театр» (Там же. Л. 7). И хотя Фет ни в одной из имеющихся записок Панаевой к Гаевскому конца 1850-х гг. не назван, не исключено, что, бывая в Петербурге в этот период, он составлял им компанию.

² Ответ Гаевского неизвестен.

2

Фет — Гаевскому

Декабрь 1853 — январь 1854 г.

или 25 января — 7 февраля 1856 г. Петербург

Добрейший Виктор Павлович!

Я стою у Некрасова и его нет дома. Скука страшная. Как бы нам сегодня пить чай вместе. Или приезжайте ко мне, или я приеду к Вам, если Вам досуг.

Дайте ответ человеку, хоть на словах.

Преданный Вам

А. Фет.

На обороте:

Его высокоблагородию
Виктору Павловичу
Гаевскому.
Ли<чно?>¹

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 171. № 295. Л. 5, 6 об. Воспроизведено: Смирнов В. А. В. П. Гаевский — современник Некрасова // Некрасовский сборник.

Л., 1983. Вып. 8. С. 72 (с неточностями и предположительной датировкой 1862—1872 гг. — «по времени встреч Фета с Некрасовым и Гаевским»); предложенная датировка ошибочна, так как Фет порвал с «Современником» в конце 1859 г. и в 1862—1872 гг. ни личных, ни эпистолярных отношений с Некрасовым и его кругом не поддерживал.

Датируется на тех же основаниях, что и письмо 1.

¹ Записка карандашом (без конверта), вероятно, была передана через посыльного. Ответ Гаевского неизвестен.

3

Гаевский — Фету

31 октября 1883 г. Петербург

31 окт. 1883.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

После долгих лет, за которыми далеко остались наши дружеские встречи в молодости, мне пришлось обратиться к Вам вот по какому случаю. По поручению литературного фонда и в его пользу, я издаю переписку Тургенева.¹ Из писем его к Полонскому² я узнал, что Вы находились в постоянной с ним переписке. Пользуясь адресом, который сообщил мне вчера Мих. Петр. Боткин,³ обращаюсь к Вам от имени комитета Общества с убедительною просьбою предоставить ему для напечатания письма Тургенева. Подлинники, по написании с них копий, были бы Вам немедленно возвращены. Я уверен, что Вы как настоящий литератор отнесетесь сочувственно к предполагаемому изданию и в память Тургенева не откажете в Вашем содействии. Если в письмах встретится что-либо непонятное для читателей, то краткие примечания были бы весьма желательны.⁴ У меня дело в полном ходу: более 200 писем уже приготовлены к печати; ожидаются на днях еще столько же с разных сторон. Письма могут быть препровождены ко мне. Да не найдется ли в Москве у кого-нибудь из Ваших литературных приятелей писем Тургенева?

В надежде на скорый и, несомненно, хороший ответ,⁵ дружески жму Вашу руку.

В. Гаевский.

Мой адрес:

Литейная, 48.
Виктору Павловичу Гаевскому.

31 окт. 1883

92025¹

Милостивому моему
Александрову

После долгих лет,
за которыми гдето
отдали наши грехи
вспомни в милом,
мне приятно обрадова
тебя во мне по какому
случаю. Но пожелало
императорского фонда
и в его пользу, а также
перенесу Туренева. У
меня его в Польском
я узнаю, что вы хотели
мне в пользу со
мне переменить. Попро
сь адресом, который
составил мне в
Мих. Пер. Сошкино, обра
дано тебе, что меня

Письмо В. П. Гаевского к Фету от 31 октября 1883 г.

Первая страница

На конверте: Его превосходительству
Афанасию Афанасиевичу
Шеншину.
Москва.
Плющиха, собственный дом.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 31 окт. 1883; 2) <Москва>, 1 ноя<бря> 1883.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 7. № 23. Л. 1—2; конверт — л. I.

¹ Сразу после смерти Тургенева на заседании Литфонда от 2 сентября 1883 г. было принято решение об издании его писем: «В. П. Гаевский предложил, во-1-х, заказать к похоронам Тургенева венок от Комитета Литературного фонда, и во-2-х, образовать при Фонде капитал имени И. С. Тургенева, для чего приступить ныне же к собранию и изданию в свет переписки покойного». Итогом заседания стало следующее решение: «Принять предложение <...> поручив заведование этим делом В. П. Гаевскому» (ИРЛИ. Ф. 155. Журналы Комитета Общества. 1883—1884. Кор. 10. 1883. Кн. 2. Л. 127).

² Полонский Яков Петрович (1819—1898), поэт, беллетрист; с Тургеневым познакомился в 1841 г.; с 1855 г. между ними завязались дружеские отношения и регулярная переписка, продолжавшаяся вплоть до смерти Тургенева. Известны 168 писем Тургенева к Полонскому, значительная часть которых была напечатана в «Первом собрании писем И. С. Тургенева» (СПб., 1884).

³ Боткин Михаил Петрович (1839—1914), художник, академик исторической живописи, коллекционер; младший из братьев Боткиных, брат жены Фета Марии Петровны.

⁴ В предисловии к вышедшей книге отмечалось, что примечания к письмам «сделаны большею частью лицами, их доставившими, остальные же принадлежат редакции» (Первое собрание писем И. С. Тургенева. С. VII).

⁵ См. письмо 4.

4

Фет — Гаевскому
1 ноября 1883 г. Москва

Москва
Плющиха, соб. дом
№ 481.

1 ноября.

Душевноуважаемый Виктор Павлович!

С особенным удовольствием встретился опять с Вами, если не лично по старине, то хотя по письму, и конечно готов бы в ту же минуту исполнить желание Ваше, но как, вероятно, это Вам неизвестно, мое постоянное место жительства не в Москве, а в деревне,¹ где моя биб-

лиотека и все, касающееся умственной жизни. Таким образом, там же и письма Тургенева, которых без меня (а мы с женой одинокие и дом зимой заперт) никто не отыщет, и я сам должен большую их часть искать, вероятно, в подвале между старыми бумагами. Где же хранить 30-летнюю переписку?² Но до апреля я в Москве, а затем, если сам не поеду к Тургеневу, что разыщу, доставлю Вам. Теперь же ничего не могу сделать по этой части.³

Познакомился я в прошлом году в Питере с милым офицером, Вам племянником,⁴ которого просил передать Вам мой поклон.

Примите же его теперь вместе <?> с искренним уважением

Вашего

А. Шеншина.⁵

Печатается по подлиннику: РНБ. Ф. 171. № 295. Л. 1—2.

¹ В 1878—1892 гг., как правило, с 1 марта по 1 октября Феты жили в своем курском имении Воробьевка.

² Тургенев считал, что их знакомство с Фетом произошло 29 мая 1853 г., во время его нахождения в ссылке в Спасском (см. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 30 мая 1853 г.: *Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 236, 237; об этой встрече см. также: *МВ*. Ч. 1. С. 4—7). Сам Фет полагал, что их первая встреча состоялась в начале 1840-х гг. у профессора С. П. Шевырева (см.: Там же. С. 1—2). Вероятно, вскоре после возобновления знакомства в Спасском началась переписка, однако письма раннего периода их знакомства не сохранились. Так, неизвестно местонахождение «огромного» письма Тургенева к Фету, вероятно от 2 ноября 1853 г., «где выставлены все самонадеянные ошибки» первой книги «Од» Горация, переведенной Фетом и присланной Тургеневу на отзыв (см. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 2 (14) ноября 1853 г.: *Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 269—271). В 1854—1855 гг. между писателем и поэтом установились дружеские отношения, остававшиеся близкими в течение десяти лет, однако в 1874 г. произошел полный разрыв. В 1878 г. по инициативе Фета переписка возобновилась. Известны 122 письма Тургенева к Фету (1855—1881) (см.: *Тургенев. Письма*. Т. 2. С. 612).

³ По-видимому, Фет не исполнил своего обещания, подробнее см. вступит. статью.

⁴ Вероятнее всего, речь идет о Семене Ивановиче *Гаевском* (сыне Ивана Семеновича Гаевского, двоюродного брата В. П. Гаевского), служившем в лейб-гвардии Семеновском полку (вышел в отставку в марте 1892 г. в чине капитана), который в сентябре 1892 г. стал мужем дочери семейства Полозовых, орловских знакомых Фетов. Сохранилась поздравительная телеграмма из Петербурга, полученная Фетом в день литературного юбилея 29 января 1889 г., за подписью «Симеон Гаевский» (см.: *Кузьмина И. А.* Фет и его соседи Офросимовы // *ФетСб(2)*. С. 83, 85).

⁵ О получении этого письма Фета Гаевский оставил запись в дневнике от 3 ноября 1883 г.: «Получил письмо от Фета, превратившегося в Шеншина. Он пишет, что готов доставить письма Тургенева, но не ранее апреля, так как они у него в деревне. Я отвечал, что они пригодятся для второй части сборника. Превращение

Фета в Шеншина напоминает мне выражение Тургенева, что Фет имел имя, которое променял на фамилию» (цит. по: *РНБ. Ф.* 171. № 1. Л. 15 об.; см. также: Из дневника В. П. Гаевского (1883—1887 гг.) / Публ. Г. Никольской // Красный архив. 1940. № 3 (100). С. 236). До 14 лет, вспоминал Фет, «я был несомненным Аф. Аф. Шеншиным», однако расследование Орловской духовной консистории установило, что брак по православному обряду отца с немецкой подданной Шарлоттой Фёт был заключен после рождения первенца, таким образом, метрическая запись о рождении сына Афанасия с фамилией Шеншин была сочтена «недоразумением священника», то есть незаконной. С этого времени Фет, считаясь незаконным сыном, стал носить фамилию матери и именоваться не потомственным дворянином Шеншиным, а дармштадтским подданным Фетом (см.: *МВ.* Ч. 2. С. 271, 276. Подробнее о перипетиях этой истории см.: *Кузьмина И. А.* Еще раз о том, почему Афанасий Шеншин стал Афанасием Фетом // *ФетСб(2)*. С. 173—182). Это униженное двойственное положение на протяжении почти сорока лет осложняло Фету жизнь и причиняло немало страданий. Он писал жене 10 января 1874 г.: «...ты представить себе не можешь, до какой степени мне ненавистно имя Фет... Если спросить: как называются все страдания, все горести моей жизни, я отвечу: имя им — Фет... Со стороны легко смотреть на чужую изуродованную жизнь, но к своей собственной так относиться трудно» (цит. по.: *Толстой. Переписка.* Т. 1. С. 428).

О праве носить фамилию дворянского рода Шеншиных поэт хлопотал в течение многих лет, и лишь 26 декабря 1873 г. Александр II представил Сенату указ о присоединении отставного гвардии штабс-ротмистра Аф. Аф. Фета «к роду отца его Шеншина со всеми правами, званию и роду его принадлежащими. / Это, можно сказать, совершенно семейное событие не избежало однако же зоркости „Нового времени“, где появилось следующее четверостишие: Как с неба свет, / Как снег с вершин, / Исчезнул Фет / И встал Шеншин. / Покойный отец наш терпеть не мог писания стихов, и можно бы с великою натяжкой утверждать, что судьба в угоду старику не допустила Шеншина до литературного поприща» (*МВ.* Ч. 2. С. 282—283).

Упомянутая Гаевским острота Тургенева, имевшая, вероятно, изустное хождение, содержится в его письме к Фету от 12 (24) декабря 1874 г.: «...как Фет, Вы имели имя, как Шеншин, Вы имеете только фамилию» (*Тургенев. Письма.* Т. 13. С. 236; см. также с. 358—359). Это тургеневское выражение приводит в своих воспоминаниях А. Д. Галахов, дополнив его вариантом: «Отзывы Тургенева о лицах и литературных произведениях выказывают его остроумие меткое и в то же время изящное. Приведу один пример. Узнав, что один из наших талантливых поэтов вместо прежней своей фамилии, с которой уже соединена была его известность, принял другую, он заметил: „Какая жалость! у этого человека было *имя*, а он променял его на *фамилию*“. Кстати, приведу появившееся на этот случай четверостишие: Как снег вершин, / Как фунт конфет, / Исчезнул <Фет> / И стал <Шенши>н» (*Галахов А. Д.* Сороковые годы // *ИВ.* 1892. № 1. С. 142; см. также: *Гумлиц Е. А.* Эпиграммы Тургенева // *ТСб(3)*. С. 68). Часто в литературных кругах фамилия Фет обыгрывалась в связи с хозяйственной деятельностью поэта и не раз становилась предметом шуток, зачастую недобрых. Так, А. И. Герцен в письме к Тургеневу от 30 ноября (12 декабря) 1862 г., критически отзываясь о статье Фета «Заметки о вольнонаемном труде» (*РВ.* 1862. № 3, 5), писал: «Ils sont passés ces jours de *Фет*

(Они прошли, дни праздников — *франц. поговорка*). / Этот с чего ругает народ — аристо... фет, аристо-фон — „мы-де в нашей деревне...“ <...> Что у вас это так<ая> партия — *der Volksmüden?..* (усталых от народа — *нем.*)» (см.: *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 27. Кн. 1. С. 271; Кн. 2. С. 724, примеч. А. М. Малаховой. Каламбур Герцена построен на созвучии фамилии «Фет» и французского слова «праздник» («*fête*»)). Тургенев ответил 4 (16) декабря 1862 г.: «...ты, вероятно, смешал А. А. Фета, у которого вовсе *нет* деревни, с известным английским богачом и аристократом, Sir Athanasius Feth'ом, которого, впрочем, никогда не существовало» (см.: *Тургенев. Письма.* Т. 5. С. 135).

Ответное письмо Гаевского неизвестно — скорее всего, его не было.

5

Гаевский — Фету

16 июля 1884 г. Петербург

$\frac{16}{28}$ июля 1884.

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Возобновляю просьбу о сообщении мне писем Тургенева, доставление которых было бы теперь весьма кстати. Вы мне писали, что письма у Вас в деревне, и обещали по возвращении туда из Москвы прислать их.¹ Я собрал более 400 писем,² и между ними недостает только переписки с Вами, как мне известно, продолжительной, постоянной и весьма интересной. Напоминаю, что письма издаются (мною и Стасюлеви-чем) в пользу литературного фонда для учреждения в нем капитала имени Тургенева, который был одним из основателей Общества.³ Письма начнутся печатанием с начала сентября и должны выйти в свет в октябре.⁴ Медлить, как видите, нельзя, и потому с получением этого письма отправляйтесь в Ваш архив, доставайте письма и присылайте их чем скорее, тем лучше, потому что нужно еще иметь время переписать их и сверить с подлинниками (которые будут немедленно возвращены). Надеюсь, что Вы не откажете мне в исполнении этой просьбы, и даже уверен, что оно доставит Вам удовольствие, расшевелив дорогие воспоминания молодости.

Еще просьба, и даже большая! Не найдется ли у Вас стихотворения (а еще лучше — нескольких) для альманаха, который издается мною в пользу литературного фонда по поводу его 25-летия?⁵ Если не найдется, то возьмите лиру и набряцайте что-нибудь достойное фетовской музыки.⁶ Словом, *faites-moi une fête*.^{а.7} Да без Фета нельзя теперь и пред-

^а сделайте мне праздник (*франц.*).

ставить хороших стихов. Посылаю Вам официальное приглашение⁸ и присоединяю к нему это — дружеское. Вы еще недавно «зажгли Вечерние Огни»,⁹ и никогда не гасите их!

Да как Вы не член литературного фонда? Не позволите ли предложить Вам, хотя в ознаменование его 25-летия?¹⁰

Искренне преданный
В. Гаевский.

Мой адрес:

С. Петербург. Литейная, 48.
Виктору Павловичу Гаевскому.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 7. № 23. Л. 3—4 об.

¹ См. письмо 4 и примеч. 3 к нему.

² Согласно протоколу заседания № 12 Литфонда от 19 июня 1884 г., «В. П. Гаевский сообщил, что, во исполнение возложенного на него Комитетом поручения, он собрал и приготовил к печати 387 писем И. С. Тургенева и вручил их М. М. Стасюлевичу, который предполагает приступить к печатанию в начале сентября. К тому времени число писем еще значительно увеличится. Собрание писем предполагается выпустить в октябре сего года» (ИРЛИ. Ф. 155. Кор. 10. 1884. Кн. 1. Л. 602).

³ Тургенев как один из инициаторов имел непосредственное отношение к учреждению Литфонда, основанного 8 ноября 1859 г. Подробнее об основании и деятельности Литфонда см. нашу статью «Фет и Литфонд» в наст. томе (С. 81—96).

⁴ Согласно протоколу заседания Литфонда от 29 октября 1884 г., собрание было открыто заявлением Гаевского о том, «что письма Тургенева окончены печатанием и книга сдана в цензуру; причем один экземпляр книги был представлен членам Комитета» (ИРЛИ. Ф. 155. Кор. 10. 1884. Кн. 2. Л. 339). На основании этого свидетельства следует считать, что издание вышло в свет 29 октября 1884 г.

⁵ Речь идет об издании: XXV лет. 1859—1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884 (ц. р.: 24 октября 1884 г.).

⁶ По этому поводу Фет ответил Гаевскому в письме от 20 июля 1884 г. (см. письмо 6).

⁷ Каламбур Гаевского построен на созвучии фамилии «Фет» и французского слова «праздник» («fête»). См. также письмо 4, примеч. 5.

⁸ Приглашение неизвестно.

⁹ Речь идет о первом выпуске поэтического сборника Фета «Вечерние огни» (М., 1883; ц. р.: 28 декабря 1882 г.).

¹⁰ Подробнее о кратковременном членстве Фета в Литфонде и выходе из него см. в нашей статье «Фет и Литфонд» в наст. томе (С. 81—96).

1859

1884

ЛЕТЪ

№ 43, 44, 21, 45

СБОРНИКЪ

ОБЩЕСТВА

ДЛЯ ПОСОБИЯ

НУЖДЯЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1884.

«XXV летъ» (СПб., 1884).

Обложка сборника, изданного В. П. Гаевским

№ 43
14, 27, 45

Вр. Библиотекы Музея
редактору "Сборника"
Вотавкинъ.

В № 43 "Сборника" напечатаны
произведения: М. С. Самойлова,
В. П. Гаврилова, В. П. Безобразова и
Д. В. Ковалева.

Во "Литературе" упоминаются о:
Я. К. Гринько, М. Н. Лонгиновъ, гр.
Д. А. Толстой, М. С. Самойловъ,
С. И. Лавинский, В. П. Гавриловъ
и В. П. Безобразовъ.

Во статьях о Дружининъ упо-
мянуты о Л. А. Меръ, гр. Ф. А.
Крутиковъ-Безобразовъ и С. И. Лавин-
ский.

Во письмахъ Боткина о Губин-
инъ и Туриневъ о Крутикова.

Дарственная надпись В. П. Гаевского
на сборнике «XXV лет»

Московско-курской ж. д.
станция
Коренная Пустынь

20 июля.

Многоуважаемый Виктор Павлович!

Когда мы так дружелюбно встречались с Вами, мы были, можно сказать, неопытными птенцами, не знающими, по выражению Гёте, *wo aus wo ein*.^{а.1} Но с тех пор пора было мне установиться в мыслях и суждениях. Разница та, что мы тогда не знали, куда примкнуть, а теперь если и ложно примкнули, то бесповоротно. Я уверен, что и теперь не изменил бы о Вас суждения как о любезном человеке, но я полагаю, что стал человеком *свободным*, как я понимаю свободу, т. е. неспособным напирать ни на кого, а также неспособным слепо подчиняться чужим толкам, пока лично не убедился в их толковости. Я не только не верю в какие-либо общественные инициативы, но чувствую к ним ненависть. Если Вы посмотрите на список учредителей Лит<ературного> фонда, то найдете мое имя там из первых,² но когда произвольными посылками студентов за границу³ и разными иными распоряжениями у<ч>реждение <?> (как это всегда бывает) поставило вкладчиков в ранг бессловесных баранов, изменяя назначение взноса, я категорически отказался от участия.⁴ Уже в древ<нем> Риме Ювенал знал, что бедняк не может быть литератором, что литератур<ными> трудами не прокормишься,⁵ поэтому как же мне, испытывающему это всю жизнь, ибо жить на счет своих литер<атурных> трудов я и не помышляю, поощрять других людей на эту гибель. Вы говорите побряцать!⁶ Я счастлив, что во всю жизнь не написал стиха, не вызванного внутренней необходимостью, часто вопреки собственному желанию. А все субсидии поэтам и стипендии бедной молодежи — только горький обман, отвлекающий людей на гибель и вред государству от насущных занятий. Я не мешаю Вам в Ваших затеях, могу даже хвалить за побуждения, но считаю Ваш путь ложным и вредным, подобно нашим <?> банкам, земствам и иным нас немилосердно разоряющим учреждениям.

Когда-то я говорил Тургеневу, что жалею, что не начал писать немецких стихов — и был прав. Взгляните на 50 издание Гейбеля⁷ и прочтите его стихи. Это вода, а не вино. А мое солдатенковское издание

^а где выход, где вход (нем.).

в 2400 экзема<пляров> в 10 лет не разошлось.⁸ А Вы гоните других в эту мужиковину <?>!!! То же с великим Тютчевым.⁹ Не живя литературой, я все-таки дал себе слово безденежно не давать никому ни куплета, и у меня определенная цена стихотворению хоть в 20, хоть в 4 строчки, 25 рублей. У меня в настоящее время случайно скопилось около 20 новых стихотвор<ений> после «Вечер<них> огней», и я осенью хочу издать их в особом к ним приложении.¹⁰ Поэтому давать — значит ослаблять небольшой сборник. Но если на моих условиях Вы захотите, то могу передать Вам 2 или 3 стихотворения.

Что касается до тургенев<ских> писем, то за переездом и перекладками вещей по кладовым, собственными руками мною положенной кипы писем — не оказалось. Надо при случае поискать в имении моего племянника,¹¹ куда от нас перевезлись груды бумаг — нет ли там? Но для этого надо самому быть там, а я с больными глазами сижу дома.

Неурожай в имениях дает себя знать хуже всякой литературы, и никакой Пегас из него, по выражению Горация, не исхитит.¹²

Если сочтете нужным, извините искренно

уважающего Вас

А. Шеншина.

Печатается по подлиннику: *РНБ*. Ф. 171. № 295. Л. 3—4 об. Фрагмент письма воспроизведен: *ЛН*. Т. 97. Кн. 2. С. 431, а также: *Фет/Спрахов*. С. 299 (с ошибочной датировкой письма 20 июня 1873 г.); *Фет. ССУП*. Т. 3. С. 457—458.

¹ Слова из оды И.-В. Гёте «Прометей» (1774): «Da ich ein Kind war, / Nicht wusste, wo aus, wo ein...» (дословно: «Когда я был ребенком, / Не знал, где выход, где вход...»); в пер. В. Левика: «Когда ребенком был я и ни в чем / Мой слабый ум еще не разбирался...»).

² С первых дней организации Литфонда имя Фета вошло в список его учредителей, что зафиксировано в первых отчетах Общества (см.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Первый год его существования: с 8 ноября 1859 г. (время его открытия) по 2 февраля 1861 (время его годовичного собрания). СПб., 1861. С. 9; см. также Общество для пособия... за третий год его существования, по 2 февраля 1863 года. СПб., 1863. С. 9).

³ Осенью 1861 г. происходили студенческие волнения, приведшие к временному закрытию Петербургского университета и многочисленным арестам. Литфонд принял непосредственное участие в судьбах арестованных студентов, и это подтверждается протоколами заседаний Комитета (см. нашу статью «Фет и Литфонд» в наст. томе). О финансировании Литфондом поездок кого-либо из студентов за границу сведений выявить не удалось.

⁴ См. нашу статью «Фет и Литфонд» в наст. томе (С. 81—96).

⁵ Фет отправляет к сатире 7 из книги III Ювенала:

...Потому что не может в пещере
Пиерийской петь и с Тирсом управиться бедность

Грустная и без гроша, у которой денно и ночью
Тело в нужде. Ведь Гораций-то сыт, как взывает: *Эвое!*
<...>

Дело мощного духа, вне тяжких забот о постели,
Созерцать колесницы, коней и лики бессмертных <...>

(Д. Юния Ювенала Сатиры. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1885. С. 125).

⁶ См. письмо 5.

⁷ Речь идет об известном немецком поэте, драматурге и переводчике Франце Эмануэле Августе *Гейбеле* (Гейбеле, Geibel; 1815–1884), пропагандировавшем идею «чистого искусства». Его поэтические сборники много раз переиздавались. Так, сборник «*Neue Gedichte*» (1857) к 1897 г. выдержал 24 издания, а сборник «*Gedichte und Gedenkblätter*» (1864) за 20 лет был переиздан 9 раз.

⁸ Имеется в виду издание «Стихотворения А. А. Фета» (М.: изд. К. Т. Солдатенкова, 1863. Т. 1–2), остававшееся нераспроданным много лет. В январе 1880 г. Фет переслал Н. Н. Страхову 500 экземпляров для распространения в книжных магазинах Петербурга (см. письмо от 26 января 1880 г.: *Фет/Страхов*. С. 298, 299). В письме к великому князю Константину Константиновичу (К. Р.) от 6 июля 1887 г. поэт более определенно высказал эту мысль: «...Тютчева никто не покупает и не читает, а Некрасовы, Надсоны, Апухтины и *tutti quanti*, которых я не удостоиваю даже называть, слынут за поэтов, да еще излюбленных. <...> это и возмутительно, и горестно <...>» (*Фет/К. Р.* С. 635; см. также с. 728).

⁹ Свое отношение к Тютчеву Фет изложил в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (*Рсл.* 1859. № 2. Отд. 2. С. 63–84). Анализируя стихотворение Тютчева «Сон на море», Фет писал: «Разве не гигантское вдохновение, не могучее искусство создали эти образы? Не могу воздержаться от задорного вопроса: у кого из современных лириков такая мощь? У Гейбеля что ли, расходящегося десятками тысяч экземпляров? „Зато, — заметят мне, — его все понимают“. — Великая заслуга! да что там понимать-то?» (*Фет. ССЦП*. Т. 3. С. 194).

¹⁰ В 1885 г. Фет выпустил второй поэтический сборник «Вечерние огни» (см.: *Вечерние огни*. Выпуск второй неизданных стихотворений А. Фета. М., 1885).

¹¹ О каком племяннике идет речь — установить не удалось.

¹² Цитата из оды XXVII («К друзьям-собеседникам») 1-й книги «Од» Горация в переводе Фета. Ст. 20–24:

Несчастный юноша, достойный лучшей доли!
Какой же маг тебя, ворожея иль бог
Избавит наконец от гибели великой?
С трудом бы и Пегас тебя исхитить мог
Из пагубных когтей Химеры троеликой.

В примеч.: «Ты так опутан этой страстью, что никакой колдун тебе не пособит», то есть даже Пегас, спасший Беллерофонта от Химеры, мог бы «с трудом» вырвать («исхитить») юношу из когтей страсти (Химеры) (см.: *Фет. ССЦП*. Т. 2. С. 37). Здесь, используя античный образ, Фет сравнивает неурожай с «гибелью великой», избавиться от которой не поможет даже чудо.

7

Гаевский — Фету
25 июля 1884 г. Петербург

25 июля 1884.

Многоуважаемый Афанасий Афанасиевич,

Получил я Ваше почти ругательное письмо и должен сказать, что Вы фактически не правы: никаких студентов мы не посылали за границу¹ и никого не поощряли к литературе, а только помогали заслуженным престарелым литераторам или их семействам. Мы могли ошибаться в частностях, но в принципе мы честно служили и служим самой высокой цели, которую когда-либо имела общественная благотворительность.

Но все это ничего, а скверно то, что Вы отказываете в содействии Вашим старинным приятелям. Я лично с удовольствием заплатил бы и более назначаемых Вами 25 р. за каждое Ваше стихотворение и забрал бы их все; но редакция платить не может, имея основание рассчитывать на лепты корифеев литературы в пользу несчастных ее тружеников. Нам очень жаль, что Вашего имени не будет в числе тех, которые читатели старого времени привыкли^а встречать вместе (кн. Вяземский, Тургенев, Дружинин, Григорович, гр. Л. Толстой, Я. Полонский и пр.); да и Вам, признайтесь, будет жаль не видеть себя между ними.²

Ну, а письма Тургенева? Я не понял, отказываете ли Вы в них или снова откладываете разыскать их. В первом случае принимаю только к сведению, хотя не могу не выразить сожаления, что между письмами к Грановскому, Дружинину, Григоровичу, Достоевскому, Ег. Ковалевскому, Я. Полонскому, Анненкову, Галахову и др. не будет писем к Вам; а во втором я просил бы, если возможно, не откладывать. Во всяком случае потрудитесь известить меня, на что я могу рассчитывать, т. е. ожидать или больше не приставать к Вам.

Искренне преданный
В. Гаевский.

Ваше имя я беспрестанно встречал в последнее время, разбирая письма Тургенева и бумаги Дружинина. О последнем собираюсь написать воспоминания для нашего сборника.³ Не найдется ли у Вас его писем или других материалов?⁴

---

^а Далее зачеркнуто: считать

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 7. № 23. Л. 5–6 об.

¹ См. письмо 6 и примеч. 3 к нему.

² Реакция Фета на издание «Первого собрания писем» Тургенева, скорее всего, была негативной (см. письмо Н. Н. Страхова к нему от 9 декабря 1884 г.: *Фет/Страхов*. С. 389).

³ Гаевскому, разбиравшему архив Дружинина, принадлежит статья «А. В. Дружинин как основатель Литературного фонда» (см.: XXV лет. 1859–1884. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 423–434).

⁴ Фет не передал Гаевскому имевшиеся у него письма Дружинина. Письма самого Фета к Дружинину были опубликованы позже (см.: *Письма к Дружинину*). Скорее всего, Фет не считал возможным продолжать далее переписку с Гаевским.